

dr Anna Romanik

Uniwersytet w Białymstoku

Wydział Filologiczny, Katedra Językoznawstwa Sławistycznego

tel. 85 745 75 00

e-mail: a.romanik@uwb.edu.pl

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2733-6503>

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С ФИНАЛЬЮ *-ИИГ* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ABSTRAKT

RZECZOWNIKI Z KOŃCOWYM *-ING (-ИИГ)* WE WSPÓŁCZESNYM JĘZYKU ROSYJSKIM

W centrum zainteresowania danej publikacji znalazły się rzeczowniki (*nomina actionis*) z końcowym *-ing (-ииг)*, które odnotowywane są we współczesnym języku rosyjskim. To zarówno wyrazy przejęte z angielszczyzny, jak i neologizmy derywowane na rodzimym gruncie. Obie grupy leksyki poddano charakterystyce uwzględniającej ich specyfikę funkcjonalną, co uczyniono głównym celem rozważań. Przeanalizowano jednostki odnotowane z szeroko rozumianych mediów (prasa, Internet) oraz z dostępnych źródeł leksykograficznych. Dodatkowo skupiono uwagę na statusie formantu *-ing* w systemie morfologicznym języka rosyjskiego. W zaproponowanej pracy zastosowano klasyczne metody badawcze, tj. metodę ekspercyjną, opis synchroniczny materiału faktograficznego oraz kontekstualną prezentację bazy empirycznej. Wyniki analizy pokazują stylistyczne i funkcjonalne ograniczenia neologizmów rosyjskich z sufiksem *-ing*, a także świadczą, z jednej strony, o rosnącym derywacyjnym potencjale sufiksu *-ing* w rosyjskim słowotwórstwie, a z drugiej, wskazują na nieustającą popularność importowanych z angielszczyzny rzeczowników z semantyką czynności.

Słowa kluczowe: sufiks *-ing*, *nomina actionis*, rzeczownik, zapożyczenia anglojęzyczne, język rosyjski

ABSTRACT

NOUNS WITH THE ENDING *-ING* IN MODERN RUSSIAN

The focus of this publication is on nouns (*nomina actionis*) with the ending *-ing* which are recorded in modern Russian. These are both words taken from English and neologisms derived from native material. Both groups of lexicons were characterized taking into account their functional specificity, which became the main focus of consideration. Individuals recorded

from widely understood media (press, the Internet) and from available lexicographic sources were analyzed. Additionally, attention was focused on the status of the suffix *-ing* in the morphological system of the Russian language. The proposed work uses classic research methods, i.e. synchronous description of factual material and contextual presentation of empirical base. The results of the analysis show stylistic and functional limitations of Russian neologisms with the suffix *-ing*, as well as evidence, on the one hand, of the growing derivative potential of the suffix *-ing* in Russian word-making and, on the other hand, of the continuing popularity of nouns with semantics of activities imported from English.

Key words: suffix *-ing*, *nomina actionis*, noun, English borrowings, Russian language

1. Введение

В научной литературе все чаще говорится о «инговом цунами» в современном русском языке. Эта метафора, с одной стороны, отражает масштаб трансфера заимствований с финалью *-инг* из англо-американского ареала, с другой стороны, относится к довольно новому словотворческому явлению в русском языке – образованию неударных сформантов с формантом *-инг*. Все эти имена действия (как иноязычные слова английского происхождения, так и гибридные дериваты, образованные на русской почве) стали объектом исследования данной статьи. Цель работы – определить статус форманта *-инг* в русской словообразовательной системе, охарактеризовать обе группы существительных с учетом специфики их функционирования в русском языке, а также найти сходства и различия между названными двумя пластами лексики. Эмпирический материал отобран из лексикографических источников и русскоязычных массмедиа (в том числе Интернета и прессы). Выбор источника материала неслучаен, так как именно в СМИ происходит активная речевая деятельность современного человека.

В предпринятом исследовании применяются традиционные методы изучения языка – сплошная выборка фактографического материала, синхронный анализ, поддержанный соответствующей экзemplификацией. В ходе исследования используется также контекстуальный метод, помогающий представить реальное существование выбранных единиц и понять их семантическое и стилистическое своеобразие. В центре внимания статьи нашлись вопросы, непосредственно связанные с процессом заимствования на уровне словообразования, которые затрагиваются в научной литературе реже, чем вопросы лексического заимствования, хотя трудно приходится рассматривать их изолированно, поэтому в настоящей работе делается фокус на оба аспекта – морфологический и лексический.

2. Заимствования с финалью *-инг* в русском языке

Иноязычные «инговые» формы веками входили в русский язык, но «никогда до этого не приобретали такого масштабного характера»¹. Факт этот подтверждают статистические данные, установленные, среди прочего, на основе анализа выбранных лексикографических изданий – моно- и полиресурсных словарей иноязычной лексики русского языка. Например, *Словарь новейших иностранных слов*² Елены Шагаловой, содержащий 3500 словарных статей, регистрирует 381 заимствование на *-инг*. Анатолий Дьяков, автор крупнейшего *Словаря англицизмов русского языка*³, уже в 2013 году замечал, что иноязычия с финалью *-инг* в собранном им лексиконе (тогда насчитывающем 12 600 единиц) составляли значительный пласт импортированных слов – 1500 единиц⁴. Высокий коэффициент участия инговых заимствований в группе слов иноязычного происхождения (12%) возможно является результатом того, что словарь Дьякова содержит широкий спектр лексики как кодифицированной, так и узуальной и окказиональной. Также и по нашим наблюдениям, заимствования с финалью *-инг* в русском языке занимают относительно сильную позицию, что подтверждают другие данные. Например, проводимые автором настоящей статьи исследования русскоязычной глянцевої периодики, показывают, что в группе 500 новейших англицизмов инговые существительные составляют (точно как в словаре Дьякова) 12% всего материала. Это слова, представляющие разные понятийные сферы (спорт, музыка, мода, косметология, секс, экономика и т.д.), но самую интересную группу составляют инговые существительные, относящиеся к сфере виртуального общения и социальных сетей (*блекфишинг, нетворкинг, подкастинг, постинг, профайлинг, орбитинг*), а также неологизмы, называющие совсем новые социальные явления, в том стиль жизни «современного поколения людей» и человеческие отношения (*броу-дрессинг, виктимблейминг, гринвошинг, каршеринг, каучсерфинг, коворкинг, коливинг, мультитаскинг, райдшеринг, слатшейминг, фастинг*). Ольга Ермачкова⁵ кроме вышеуказанной понятийной классификации, выделяет несколько других лексико-семантических групп, которые особенно

¹ О. Ермачкова, *Англицизмы на -инг в русском и словацком языках*, «Филологический класс» 2020, 25, 1, с. 55.

² Е. Н. Шагалова, *Словарь новейших иностранных слов*, Москва 2017.

³ А. И. Дьяков, *Словарь англицизмов русского языка*, [онлайн], <http://anglicismdictionary.ru/>, [доступ: 20.05.2023].

⁴ А. И. Дьяков, Е. В. Скворецкая, *Суффикс -инг завоевывает свои позиции в русском словообразовании*, «Сибирский филологический журнал» 2013, 4, с. 182.

⁵ О. Ермачкова, *Англицизмы на -инг...*, с. 56–57.

активно пополняются все новыми словами на *-инг*, например: активный отдых, игры; наука, техника, промышленность; финансы, торговля; медицина, биология, бытовая лексика, искусство.

В английском языке такие слова являются, главным образом, производными от глаголов – это имена существительные, причастия или герундий⁶. Но в русский язык попадают именные формы, которые ассимилируются как существительные мужского рода со значением широко понимаемой процессуальности.

подавляющая часть англицизмов (в том и псевдоанглицизмов) с финалью *-инг* это отглагольные формы, например: *брашинг, бра-фиттинг, брендинг, гринвошинг, дайвинг, дауншифтинг, каршеринг, кикбоксинг, кибербуллинг, консалтинг, майнинг, постинг, ресайклинг, сайклинг, стайлинг, тимбилдинг, трейдинг, фейслифтинг, шопинг*. Все-таки немногочисленные отыменные дериваты также встречаются в последнее время в английском словотворчестве, на что обращают внимание Анатолий Дьяков и Елена Скворецкая. Они отмечают, что именно суффикс *-инг* придал им процессуальную семантику⁷. Таких субстантивов намного меньше, чем отглагольных форм. Примером иноязычных единиц, образованных в английском языке по модели «основа имени существительного + суффикс *-инг*», могут послужить следующие слова: *гетсбинг* (Гэтсбинг. Феномен, когда кто-то хочет произвести впечатление на другого за счет контента в соцсетях. Например, ты рассталась с бойфрендом и теперь злишь его, выкладывая снимки в кружевном белье. Как в романе «Великий Гэтсби», герой которого устраивал вечеринки в надежде когда-нибудь увидеть на них свою влюбленную⁸); *доггинг* 'английское сленговое понятие, обозначающее секс в публичных местах на глазах других людей (как у собак), часто в парках или на импровизированных пикниках' (Не стану обещать, что непременно попробую доггинг, но экосекс мне кажется очень привлекательной идеей⁹); *леттеринг* (Леттеринг. Надписи на лице, шее, руках и декольте – ожидаемое развитие популярности одежды со слоганами и манифестами. В качестве самого удачного примера леттеринга вспоминаем кутюрный показ Dior, весна – лето¹⁰). В русском языке отмечены также случаи англицизмов на *-инг*, образованных в языке источнике от местоименных квантификаторов, например, *мостинг* «Мостинг – гостинг в особо тяжелой форме (от англ. *most* – много, почти все)¹¹».

⁶ Там же, с. 183.

⁷ А. И. Дьяков, Е. В. Скворецкая, *Суффикс -инг...*, с. 183.

⁸ «Cosmopolitan», март 2019, с. 131.

⁹ «Еще», март 2015, с. 38.

¹⁰ «Еще», июль 2019, с. 111.

¹¹ «Cosmopolitan», март 2019, с. 131.

Английский язык постоянно пополняется инговыми существительными, которые быстро попадают в другие языки, в том числе и в русский язык. Процесс заимствования и неологизации особенно усиливается под влиянием идеологических и социальных изменений, а также важных событий, например, изобретений, военных конфликтов, стихийных катастроф. Примером может послужить вспыхнувшая в 2020 году пандемия коронавируса, которая стала толчком для образования многих новых слов, называющих пандемическую действительность. Итак, *Словарь русского языка коронавирусной эпохи*¹² (2021) регистрирует новейшие заимствования английского происхождения (*догшеринг, думскроллинг, зумбомбинг, карантин-шейминг, ковидинг, коронашейминг*), но также содержит и русские неодериваты или неосемантимы на *-инг*, например, *зуминг, коронатроллинг, коронашеринг, пандемитинг*. Эти последние можно считать псевдоанглицизмами.

Стоит также отметить, что «инговые» англицизмы долгое время воспринимались как непроезженные слова, так как заимствовались целиком. Лишь в начале 80-х годов XX века, как отмечает Елена Коряковцева, «восприятие слов на *-инг* у носителей русского языка, по-видимому, изменилось»¹³. Из заимствований данного класса выделился элемент их структуры (*-инг*) и стал применяться в словообразовательных процессах в русском языке. Ольга Сологуб пишет, что последствием обилия заимствований является перерастание количества в качество и тем самым осуществление процесса морфемизации¹⁴.

3. Статус форманта *-инг* в русском языке

Англицизмы с *-инг* дали начало инновационному процессу словопроизводства с помощью этого элемента и способствовали «суффингированию», т.е. восприятию финали *-инг* в русском языке как суффикса¹⁵. «Первый порыв» образования немногочисленных единиц окказионального характера с заимствованным элементом *-инг* наблюдается на переломе XX и XXI ве-

¹² *Словарь русского языка коронавирусной эпохи*, Е. С. Громенко, А. С. Павлова, М. Н. Приемышева, Ю. С. Ридецкая (ред.), Санкт-Петербург 2021.

¹³ Е. Коряковцева, *Nomina actionis: эволюция периферийных словообразовательных категорий в эпоху глобализации*, Siedlce 2021, с. 92.

¹⁴ О. П. Сологуб, *Усвоение иноязычных структурных элементов в русском языке (происхождение и функционирование)*, [в:] Наука. Университет, 2002. Материалы Третьей научной конференции, Новосибирск 2002, с. 130–134, [онлайн], <http://www.philology.ru/linguistics2/sologub-02.htm>, [доступ: 25.05.2023].

¹⁵ Е. Коряковцева, *Nomina actionis...*, с. 93.

ков. За последние 20 лет формант *-инг* стал сравнительно активным словообразовательным аффиксом. Тем не менее статус его до сих пор бывает дискуссионным. В лингвистической литературе данный элемент иногда называют «квазисуффиксом» или «псевдосуффиксом», тем самым подрывая его позицию в системе языка. Большинство исследователей все-таки признает его полноценным фактом словообразовательной системы русского языка. Ирина Беляева и Элла Куликова отмечают, что суффикс можно считать полностью заимствованным, если он станет выделяемым и освоенным элементом словообразовательной системы принимающего языка, т.е. если «с его помощью от исконных слов будут образованы новые слова»¹⁶. По их мнению, нынешний массив неологизмов на *-инг* позволяет говорить о «приобретении этим формантом классифицирующего значения, присущего морфемам как двуплановым (именующим план выражения и план содержания) единицам языка»¹⁷. Такую точку зрения разделяет также Елена Коряковцева, по словам которой, полное усвоение суффикса *-инг* русским языком обусловлено «инговым цунами» заимствований, вызванным «американоманией значительной части российских СМИ и растущим русско-английским билингвизмом»¹⁸. Ученая полагает, что формант *-инг* в русском языке утратил свою морфемную уникальность, обладает регулярностью и продуктивностью – активно участвует в деривационных актах¹⁹.

Исследуемый формант в большинстве случаев «инговых» дериватов выражает процессуальное значение. В английских существительных такого типа «семантика процессуальности связана со значением глагольной основы», пишет Светлана Левина, а в русских неологизмах с *-инг* значение глагольности придает сам формант, так как они обычно являются отсубстантивными формами, т.е. образованными от имен существительных²⁰.

Статус элемента *-инг*, как автономного суффикса русской словообразовательной системы, подтверждается словарной дефиницией данного терминологического элемента в *Толковом словаре словообразовательных единиц русского языка* Татьяны Ефремовой:

¹⁶ И. В. Беляева, Э. Г. Куликова, *Заимствование морфем как илиминирование лакун: «инговые» формы в русском языке*, «Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки» 2019, 6 (822), с. 112.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Е. Коряковцева, *Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты)*, Siedlce 2016, с. 85.

¹⁹ Там же.

²⁰ С. Д. Левина, *Иноязычная морфема -инг в современном русском словообразовании*, [в:] *Активные процессы в современном русском языке. Национальное и интернациональное*, Л. В. Рашибурская (ред.), Москва 2021, с. 388.

«**-ИНГ**- Нерегулярная словообразовательная единица, выделяющаяся в имени существительном мужского рода, которое обозначает действие по глаголу, названному мотивирующим словом: *тренинг*.

Присоединяется к основе мотивирующего инфинитива, причем финаль *-ирова-* при этом отсутствует: тренировать (-ся) – *тренинг*.

Словообразующий суффикс безударен, а ударение падает на мотивирующую основу (на слог, предшествующий словообразовательной единице)»²¹.

В приведенной словарной статье толкуется значение форманта и приводится лингвистическая информация о нем, которая, кажется, на тот момент требует уточнения. Данная дефиниция, на наш взгляд, утратила свою актуальность, так за последнее время мотивированность, продуктивность, регулярность и словообразовательный потенциал форманта *-инг* в русском языке изменился. В новой дефиниции обязательно стоит учесть прагматические деривационные свойства данного суффикса, такие как, например, преобладание именной субстантивной производящей основы, стилистическая окраска и др.

В заключение можно добавить, что *-инг (-ing)* является интернациональным формантом. Его международный характер оправдывает Лариса Рацибурская, которая пишет, что данный суффикс «полностью удовлетворяет требованию семантической и структурной близости в неблизкородственных языках»²². Данный формант, как словообразовательная морфема, регистрируется в разных языках, например: польском, чешском, русском, словацком, испанском. Подтверждают это исследования европейских лингвистов – И. Балтеиро, К. Вашаковой, О. Ермачковой, Е. Корякцевой, А. В. Рацибурской, С. Д. Левиной, А. И. Дьякова и Е. В. Скворецкой и других²³.

4. Русские «инговые дериваты» – функциональный и стилистический аспекты

Русские «инговые» существительные в своем большинстве образуются от имен существительных. Многие из них мотивированы антропонимами

²¹ Т. Ф. Ефремова, *Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка*, Москва 1996, с. 198.

²² Л. В. Рацибурская, *Динамические аспекты интернационализации в современном медийном словотворчестве*, «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» 2014, 5 (24), с. 28.

²³ Публикации данных авторов представлены в библиографическом списке литературы в конце статьи.

(*путинг, псакинг, мизулинг, навальнинг, киркоринг, мавринг*). Эти слова требуют экстралингвистических знаний для правильного их понимания. Обычно они возникают в связи с определенной (часто, политической) ситуацией и нуждаются в интерпретации. Дериваты, образованные от имен нарицательных (*виннинг, водкинг, дачинг, доскинг, жабинг, крышинг, мотоциклинг, пельменинг, пивинг, пляжинг, шашлыккинг*), более понятны говорящим, достаточно языковых знаний и минимального жизненного опыта для адекватного восприятия их смысла. Большинство русских *nomina actionis* с *-инг* образованы от имен существительных (как нарицательных, так и собственных), хотя отмечены редкие случаи другой мотивированности. Примером могут послужить следующие дериваты:

- *улучшайзинг*, производящим словом которого является глагол *улучшить* (*Глиттер, контуринг, инъекции – улучшайзинг добрался и до наших интимных зон*²⁴);
- *зацепинг* от глагола *зацепляться/зацепиться* (*Угол падения: зацепинг убивает молодых россиян. Поклонники экстремального развлечения остаются инвалидами и погибают*²⁵);
- *хрюкинг* от глагола *хрюкать* (*Новый фронтмэн Евгений, сварганивший также опутительно красивую (что стало сейчас всё больше распространяться в грайндкоре) обложку, поёт очень классно и разнообразно: гроул, истеричный скриминг в духе Сэма Путнэма и самое классное – хрюкинг, но напоминающий не свинью, а жабу!*²⁶).

По сравнению с англо-американскими структурными прототипами, которые в основном базируются на глагольных основах, русские имена действия, главным образом, являются отсубстантивными формами. Это их главное формальное отличие от заимствований с финалью *-инг*.

Исследования О. Ермачковой показывают, что поток инговых форм встречается в беллетристике, а также в сатирических и юмористических текстах, авторы которых используют их экспрессивный потенциал²⁷. А. И. Дьяков и Е. А. Золотарева добавляют, что использование данного суффикса ограничивается также и молодежным жаргоном²⁸. Светлана Левина пишет, что

²⁴ «Glamour», март 2019, с. 204.

²⁵ *Известия.ру*, [онлайн], [доступ: 05.07.2023].

²⁶ *HeavyMusic.ru*, [онлайн], [доступ: 17.06.2023].

²⁷ О. Ермачкова, *Англицизмы на -инг...*, с. 57.

²⁸ А. И. Дьяков, Е. А. Золотарева, *Англогенность в русском языке*, «Международный научно-исследовательский журнал» 2022, 3 (117), 3, с. 185, [онлайн], <https://cyberleninka.ru/article/n/angloinnost-v-russkom-yazyke>, [доступ: 03.07.2023].

слова с формантом *-инг* относятся к различным жаргонам, к разговорной или профессиональной речи. Они могут уходить из употребления, так как обозначают явления, быстро теряющие актуальность. Таким образом, словообразование по этой модели еще экспериментально, многие дериваты мотивированы ассоциациями с конкретными словами. Однако некоторые неологизмы с *-инг* насчитывают сотни и тысячи словоупотреблений²⁹.

По нашим наблюдениям русские неологизмы с формантоидом *-инг* во многих случаях являются окказионализмами, употребляемыми как элемент языковой игры. Это эффект лингвокреативных действий носителей языка, желающих иногда высмеять некоторые явления, или облегчить семантическое содержание слова, эмоционально его окрасить и т.д. Инговые дериваты бывают «продуктом» коммуникативной деятельности участников интернет-форумов. Приведем пример шутливого, иронического разговора, во время которого «рождаются» исследуемые неологизмы:

А: «Газманинг» – вид психологического насилия, когда забираешь все ясные дни у жертвы и, злорадствуя, оставляешь их себе...))

Б: Какой светлый ум! *Киркоринг* – пороговое состояние нервной системы при котором пациент проявляет полное незнание в жестокости любви, одиночестве сердца и вопреки логике желает счастья.

А: Болгарин.. всегда косо смотрели на нас.

Б: Получается *БОЛГАРИНГ*?

А: *Киркоринг* лучше.

В: А «*лепсинг*» – это депрессивное состояние, когда лучший день всегда вчера³⁰.

Существительные, образованные по активной модели с суффиксом *-инг*, представляют собой разнообразное понятийное пространство, хотя по сравнению с заимствованиями с той же финалью, тематическая дифференциация намного уже. С. Д. Левина выделяет четыре лексико-семантические группы инговых дериватов и приводит следующие примеры³¹:

- активный отдых, спорт и экстремальные развлечения (*доскинг, зацепинг, электричинг*);
- гипонимы слова «митинг» (*болотинг, кадыринг, медвединг, беларусинг*);
- события, действия, связанные с определенным лицом (*пехтинг, псакинг, кадыринг, мизулинг*);

²⁹ С. Д. Левина, *Иноязычная морфема -инг...*, с. 396.

³⁰ <https://obsuzhday.com/questions>, [онлайн], [доступ: 20.05.2023]. Цитата приведена в оригинальном написании.

³¹ С. Д. Левина, *Иноязычная морфема -инг...*, с. 390–394.

– времяпрепровождение, досуг (*пляжинг, шашлыкинг, водкинг, дачинг, пивинг*).

Статус образованных в русском языке существительных с суффиксом *-инг*, по нашему мнению, не должен быть спорным. Это исконные словообразовательные дериваты, но невзирая на этот факт, они все-таки воспринимаются говорящими как слова, проявляющие инородность. А. И. Дьяков и Е. А. Золотарева пишут, что именно такие слова обладают частичной эксплицитной англогенностью, под которой понимают «наличие у языковых единиц доказанной полной или частичной, формальной (план выражения) или семантической (план содержания) принадлежности к английскому языку»³².

5. Выводы

О. Ермачкова пишет, что «инговые слова – определенный тренд, ставший неотъемлемой частью Интернета, рекламы и СМИ»³³. Как показал проведенный анализ, существительные с финалью *-инг* в русском языке разнообразны по способу языковой номинации. Большинство из них заимствовалося из английского языка. Именно они стали словообразовательной моделью для «инговых» дериватов, образованных на собственно русской почве. В английском и русском языках группа существительных на *-инг* постоянно расширяется. В ходе исследования установлено, что обе группы единиц обладают как сходствами, так и различиями. Все они являются «именами действия», т.е. «субстантивными аналогами глагола, (...) процессуальными существительными со значением собственно действия, процесса, состояния»³⁴. Кроме того, в обоих случаях главным показателем признака процессуальности является формант *-инг*. Заимствования и русские дериваты данного класса мотивированы разными частями речи, но пропорции преобладания данной части речи как производящей основы можно считать существенным отличием между ними. Оказалось, что англицизмы с *-инг* прежде всего образовались в языке-источнике от глагольных основ, редки случаи отсубстантивного словотворчества. Совсем по-другому образуются русские дериваты с суффиксом *-инг*. В своем большинстве это формы, мотивированные именами существительными (как собственными, так и нарицательными), а отглагольные дериваты занимают периферийное

³² А. И. Дьяков, Е. А. Золотарева, *Англогенность в русском языке...*, с. 185.

³³ О. Ермачкова, *Англицизмы на -инг...*, с. 58.

³⁴ Е. Коряковцева, *Nomina actionis...*, с. 14–15.

место. Значительные различия между ингвыми иноязычностями и дериватами обнаруживаются также на стилистическом и функциональном уровне. Англицизмы, оканчивающиеся на *-инг*, попав в русский язык, обычно выполняют номинативную функцию и принадлежат к пласту общеупотребительной лексики, а русские аналоги, в свою очередь, кроме ономаσιологической выполняют экспрессивную функцию, на что также обращает внимание С. Д. Левина³⁵.

Анализ показал, что поток заимствований из английского языка пополняет лексический фонд русского языка, но также формирует словообразовательные навыки, так как вместе с иноязычными словами импортируются и аффиксы, которые впоследствии становятся автономными полноценными элементами словообразовательной системы русского языка. Ярким примером заимствованного суффикса является формант *-инг*. Надо также подчеркнуть, что русские существительные на *-инг* хотя и являются носителями ксеногенного признака, то процесс их образования вполне отвечает нормам русского словотворчества, так как формант, как мы доказали, считается на сегодняшний день полноправным морфемизованным суффиксом системы русского языка.

Библиография

- Balteiro I., *The influence of English in Spanish Fashion Terminology: -ing forms*, "ESP Today Journal" 2014, 2 (2), s. 156–173.
- Belyayeva I. V., Kulikova E. G., *Zaimstvovaniye morfem kak iliminirovaniye lakun: «ingovyye» formy v russkom yazyke*, «Vestnik MGLU. Gumanitarnyye nauki» 2019, 6 (822), s. 108–121.
- D'yakov A. I., Zolotareva E. A., *Anglogennost' v russkom yazyke*, «Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal» 2022, 3 (117), 3, [online], <https://cyberleninka.ru/article/n/anglogennost-v-russkom-yazyke>, [dostup: 03.07.2023].
- D'yakov A. I., *Slovar' anglitsizmov russkogo yazyka*, [online], <http://anglicismdictionary.ru/>, [dostup: 20.05.2023].
- D'yakov A. I., Skvoretzkaya E. V., *Suffiks -ing zavoyevyivayet svoi pozitsii v russkom slovoobrazovanii*, «Sibirskiy filologicheskiy zhurnal» 2013, 4, s. 180–186.
- Koryakovtseva E., *Nomina actionis: evolyutsiya periferiynykh slovoobrazovatel'nykh kategoriy v epokhu globalizatsii*, Siedlce 2021.
- Koryakovtseva E., *Ocherki o yazyke sovremennykh slav'yanskikh SMI (semantiko-slovoobrazovatel'nyy i lingvokul'turologicheskiy aspekty)*, Siedlce 2016.

³⁵ С. Д. Левина, *Иноязычная морфема -инг...*, с. 387.

- Levina S. D., *Inoyazychnaya morfema -ing v sovremennom russkom slovoobrazovanii*, [v:] *Aktivnyye protsessy v sovremennom russkom yazyke. Natsional'noye i internatsional'noye*, L.V. Ratsiburskaya (red.), Moskva 2021, s. 386–397.
- Pstyga A., *Wzór, analogia, podobieństwo oraz motywacja kulturowa w perspektywie słowotwórczej*, „Prace Filologiczne” 2021, 76, s. 455–468.
- Ratsiburskaya L. V., *Dinamicheskiye aspekty internatsionalizatsii v sovremennom mediyonom slovotvorchestve*, «Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznaniye» 2014, 5 (24), s. 25–31.
- Seshan Sh., *Sushchestvitel'nyye na -ing – simvol amerikanskoj yazykovoy ekspansii?*, «Russkaya rech'» 1996, 3, s. 46–49.
- Shagalova E. N., *Slovar' noveyshikh inostrannykh slov*, Moskva 2017.
- Slovar' russkogo yazyka koronavirusnoy epokhi*, E. S. Gromenko, A. S. Pavlova, M. N. Priyemysheva, Yu. S. Ridetskaya (red.), Sankt-Peterburg 2021.
- Sologub O. P., *Usvoyeniye inoyazychnykh strukturnykh elementov v russkom yazyke (proiskhozhdeniye i funkcionirovaniye)*, [v:] *Nauka. Universitet*, 2002. *Materialy Tret'yey nauchnoy konferentsii*, Novosibirsk 2002, s. 130–134, [online], <http://www.philology.ru/linguistics2/sologub-02.htm>, [dostup: 25.05.2023].
- Votyakova I. A., *Suffiks -ing- v slovoobrazovatel'noy sisteme sovremennogo russkogo yazyka*, «Russkiy yazyk i kul'tura v zerkale perevoda» 2020, 1, s. 275–282.
- Waszakowa K., *Internacjonalizacja w słowotwórstwie polszczyzny przełomu XX i XXI wieku jako przykład jednostronnych kontaktów językowych*, „Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego” 2019, 75, s. 179–193.
- Waszakowa K., *Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny*, Warszawa 2005.
- Yefremova T. F., *Tolkvyy slovar' slovoobrazovatel'nykh yedinit russkogo yazyka*, Moskva 1996.
- Yermachkova O., *Anglitsizmy na -ing v russkom i slovatskom yazykakh*, «Filologicheskij klass» 2020, 25, 1, s. 51–61.
- Zavadskaya A. V., *Rol' anglitsizmov v slovoobrazovatel'noy sisteme russkogo yazyka*, «Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal» 2015, 1 (10), s. 31–33.